

З.А. МАХМУТОВ

**ИСЛАМ В ЖИЗНИ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ
СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

Кіші этникалық топтар арасындағы этникалық үдерістерге түрлі факторлардың әсерлерін зерттеу қазіргі этнографияның басым бағыттарының бірі болып табылады. Бұл мақала Солтүстік Қазақстан облысында тарихи қалыптасқан этникалық топтардың бірі татар диаспорасының дамуына және қызмет етуіне исламның ықпалын зерттеуге арналған. Еңбекте аймақтағы татарлар арасындағы этникалық үдерістерде исламдық институттардың қалыптасуы және исламның рөлімен байланысты мәселелер жан-жақты қарастырылған.

Одним из приоритетных направлений современной этнографии является изучение воздействия различных факторов на этнические процессы в среде малых этнических групп. Данная статья посвящена изучению влияния ислама на развитие и функционирование татарской диаспоры, одной из исторически сложившихся этнических групп Северо-Казакхстанской области. В статье всесторонне освещаются вопросы, связанные со становлением исламских институтов и ролью ислама в этнических процессах среди татар региона.

One of the priorities of modern ethnography is the study of the impact of various factors on the ethnic processes in the environment of small ethnic groups. This article focuses on studying the influence of Islam on the development and functioning of the Tatar diaspora, one of the historical ethnic groups of North Kazakhstan region. The article comprehensively covers issues related to the establishment of Islamic institutions and the role of Islam in ethnic processes among the Tatars of the region.

Ислам был неотъемлемой чертой любой классической дореволюционной татарской общины, на основе его функционировала и развивалась вся нацио-

нальная инфраструктура (школы, газеты, религиозные и светские общества).

Почти с самого начала заселения татарами территории нынешней Северо-Казахстанской области татарские общины начинают строить мечети. Наибольшей проблемой из-за малочисленности мусульманского казачества являлось открытие мечети в татарских казачьих станицах Становое, Имантовская, Татарская. Было написано немало ходатайств, прежде чем разрешение на строительство мечети и избрание из казачьей среды муллы было удовлетворено [1, с. 5]. Казакам приходилось не только на свои средства строить мечети, оплачивать жалование мулле, но и отбывать за него воинскую повинность [1, с. 8].

В 1795 году в Петропавловске по личному указанию Екатерины II была построена первая мечеть, Касимовская, – одно из самых ранних каменных зданий города. На ее строительство было выделено из государственной казны 5000 рублей [2, с. 1]. В 1801 г. в результате удара молнии в здании мечети образовалась трещина почти до самого фундамента. Согласно документам, вопрос о восстановлении мечети или ее частичной перестройке решался на протяжении всей первой четверти XIX в. Строительство ее было частично заморожено во время войны 1812 года, затем возобновлено в 1820-е годы, для чего казанский губернатор отправил сибирскому губернатору три варианта эскизов фасадов казанских мечетей [2, с. 3]. Однако вопрос, была ли эта мечеть в итоге восстановлена, остается до конца не выясненным. Документы свидетельствуют о том, что строительство ее было прекращено в связи с тем, что она была признана «не годною» [2, с. 4], но есть краеведы, которые считают, что она все же была достроена в конце 1820-х годов [3, с. 22].

Скорее всего, вместо нее была воздвигнута деревянная мечеть, которая сгорела при страшном пожаре в 1849 году, когда помимо мечети было уничтожено две трети города. После этого мещанское и купеческое общества приняли постановление о планировании города на горе [4, с. 75]. С этого времени г. Петропавловск можно условно поделить на подгорную (форштадт крепости Петра и Павла) и нагорную части. В 1855 году мусульмане города получают разрешение на строительство новой мечети в подгорной части города, и в 1857 году там появляется каменная мечеть №2, построенная на средства Г.Яушева – будущего ахуна г. Петропавловска. В это же время в нагорной части интенсивно начинают застраиваться татарские кварталы, и на юго-западе города образуется целый татарский

край. В нем уже с 1851 года начинает функционировать деревянная мечеть №1, которая располагалась в кубике между современными улицами (М.Жумабаева, Первомайская, С.Муканова, Ульянова). В 1857 году в татарском крае строится и вторая деревянная мечеть, можно предположить, что благодаря именно этой мечети улица, на которой она находилась, получает название Новомечетной (ныне ул. Мира). Согласно плану города 1861 года были намерения заменить ее в скором времени каменным зданием. Лишь десять лет спустя данный проект был реализован, правда, на новом месте. В соседнем квартале воздвигает каменную мечеть касимовский купец М.Давлеткильдеев (современная территория завода им. Кирова). Данная мечеть, именуемая в официальных документах как мечеть №4, получает в народе название Ташкентской, видимо, из-за того, что в первое время основными ее прихожанами были выходцы из Ташкента. Целая эпопея с ее строительством закрепляется.

Приблизительно в это же время вместо устаревшей деревянной мечети №1 татарский купец А.Мустаев построил красивое двухэтажное здание еще одной каменной мечети (территория современного хлебокомбината), фасад которой выходит на Новомечетную улицу. В 1868 году появляется деревянная мечеть и на мусульманском кладбище. Позже она, вследствие интенсивной застройки данного района, оказалась почти в самом центре нагорной части города (территория современного областного акимата). В 1872 году на месте этой деревянной мечети на средства бухарца А.Джалтырева возводится каменная [5, с. 1-8]. Поскольку ее прихожанами являлись по большей части выходцы из г. Казани, мечеть №3 получает название «Чалаказанской». В скором времени в г. Петропавловске сооружаются еще две красивейших каменных мечети: мечеть №5 на средства купца Д.Бичурина (современное пересечение ул. Советской и ул. С.Муканова) и мечеть №6 на средства купца Х.Янгуразова (современное пересечение ул. М.Горького и ул. Ульянова). Богослужение в них, согласно документам, начинается уже с 1883 года [5, с. 248]. Для того чтобы купцы-мусульмане могли без отрыва от торговли совершать намазы, была построена мечеть и на менном дворе, однако сведения о ней весьма отрывочны [6, с. 5].

Таким образом, к началу XX в. в городе насчитывалось 6 каменных мечетей (по количеству мечетей на душу населения Петропавловск превосходил даже Казань). Не случайно в секретном донесении степного губернатора министру внутренних дел г. Петропавловск называется центром мусуль-

манства Акмолинской области, который стал таковым благодаря татарам [7, с. 1–3]. В одном из секретных посланий губернатор Акмолинской области выражает беспокойство в связи с «вредным», на его взгляд, влиянием татарских мулл на все киргизское (казахское) население, которое теперь «хочет иметь мечеть также в каждом ауле» [7, с. 3]. «Если каким-нибудь образом в степь проберется магометанская пропаганда, то она значительно затруднит дело обрусения киргизов (казахов – прим. З.М.) и может парализовать все благие начинания Правительства. Магометанская пропаганда для степи гораздо вреднее пропаганды какого-нибудь среднеазиатского пророка вроде Авузи Мурзамбедева. Последняя вредна преимущественно тем, что разоряет киргизов (казахов – прим. З.М.) значительными пожертвованиями в пользу святого... Магометанская же пропаганда учит киргизов (казахов – прим. З.М.) считать русских гяурами, отделяться от них, уединяться в своем обществе, считать турецкого султана главою исламизма и возбуждать к нему сочувствие», □ говорится в распоряжении губернатора Акмолинской области генерал-губернатору Западной Сибири [8, с. 1–2]. И в качестве срочных мер губернатор предлагает запретить татарам духовного звания разъезжать по степи и вести образовательную деятельность среди казахов, закрыть все татарские школы, где не преподают русский язык, и поставить их под надзор полицмейстера, заменить по мере возможности татарский алфавит в казахском языке русским и т.д. [8, с. 1–2].

Татарские купцы не только вкладывали деньги в строительство мечетей, но и брали на себя расходы по полному их содержанию. Например, строители мечетей С.Мустаев, К.Джалтырев, Д.Бичурин оставляли в банке специальные вклады, дивиденды от которых шли на текущее содержание мечетей, которые нередко впоследствии пополнялись другими благотворителями [9, с. 77-79]. Отдельные купцы жертвовали в пользу мечетей свое недвижимое имущество, которое приносило стабильный ежегодный доход. Так, свои торговые склады завещал мечети №1 купец Н. Забиров [10, с. 128], а мещанин Исмаил Тойматов передал мечети №2 часть своей прилегающей к ней земли [11, с. 117]. М. Таштемиров пожертвовал мечети №3 свою торговую каменную лавку [11, с. 221], М.Давледкильдеев отписал своей мечети пять каменных лавок и каменное здание для медресе [9, с. 65]. Получаемых доходов мечетям вполне хватало. Лишь в редких случаях годовой баланс был отрицательным, так случилось в 1913 году, когда на

установку электрического освещения в Чалаказанской мечети была истрачена крупная сумма денег [12, с. 36].

Нередко прихожане сами собирали деньги на разные благотворительные нужды, так, например, в 1887 г. мусульмане г.Петропавловска собрали существенную сумму на строительство соборной мечети в Санкт-Петербурге [13, с. 103], в 1902 году ими была отправлена помощь пострадавшим при землетрясении в города Ош, Маргелан и Андижан [6, с. 40].

При каждой каменной мечети действовало медресе, где, помимо местных мулл и абыстай, преподавали специально приглашенные учителя из Казани, Омска, Уфы, Троицка, Касимова. Например, учителя Нурмохаммад Забиров и Мохаммадамин Мостаев преподавали ранее в медресе Мухаммадия г. Казани, Карим Дибердиев – в Омске [14, с. 1]. Специально для мечети №6 купец Вали Янгуразов приглашает из медресе Бухары Мухаметжана Бегишева, известного в будущем петропавловского имама, уроженца села Азеево Рязанской губернии. Скрыв некоторые недостатки молодого человека (он был слегка парализован), купец определяет его имамом-хатибом в свою мечеть. Далее оказывается, что В.Янгуразов помимо всего прочего намеревается женить молодого человека на своей свояченице. После отказа Бегишева жениться, купец стал преследовать имама и писать на него различные жалобы [11, с. 107]. В результате М.Бегишев вынужден был перейти в мечеть №3 и продолжить там свою просветительскую деятельность.

В 1913 году в 5 медресе и 8 мектебах г. Петропавловска насчитывалось 15 учителей [15, с. 75].

Первое медресе при мечети №1, согласно официальным документам, ведет свою историю с 1860 г. [16, Приложение]. Школы были рассчитаны на 4 года обучения, в них отдавали детей 7-8 лет. В список изучаемых предметов входили: арифметика, правописание, география, зоология, история, толкование Корана, нравственность, а также музыка и поэзия. Все предметы велись исключительно на татарском языке. Медресе при Чалаказанской мечети превратилось вовсе в научный центр города, где под руководством Мухаммеджана Бегишева, выпускника Стамбульского медресе, учащиеся помимо основных предметов изучали арабский, персидский, турецкий языки, историю и литературу Востока [17, с. 4]. Выпускниками данной школы в разное время стали прославленный казахский поэт Магжан Жумабаев и татарский поэт, автор поэмы «Тагир и Зухра», Ахмет Уразаев-Курмаши, который, кстати, писал свои произведения не только на татарском языке, но и

на казахском. Последние годы своей жизни Курмаши также преподавал в одном из медресе города. С учебой в петропавловском медресе связана и жизнь видного представителя казахского духовенства – Наурызбая Хазрета. После окончания медресе он уехал получать дальнейшее образование в Бухару и Багдад, а вернувшись оттуда, был утвержден муллой Кокшетауской мечети.

В 1886 г. в татарских медресе проходило обучение свыше 300 учеников, а в 1909 г. – 630 (560 мальчиков и 70 девочек) [18, с. 161]. «Дети татар отличаются своей грамотностью, они читают и пишут не только по-татарски, но и часто и по-арабски, и по-русски», – пишет в своем очерке Ц.Белиловский [19, с. 10].

В 1909 году в г. Петропавловске на пожертвования татарских купцов была открыта мусульманская библиотека. 29 ноября 1909 г. библиотека распахнула свои двери для горожан. Пользование библиотекой для всех посетителей было бесплатным. За два месяца работы количество зарегистрированных читателей достигло 1750 человек. Каждый день библиотеку в среднем посещало около 28 горожан. В библиотеке был представлен широкий выбор периодических изданий: мусульманские газеты «Танин», «Тәржеман голәвәсе илә», «Вақыт», «Йолдыз», «Бәян әл-хак», «Нур», «Идел», русские – «Русское слово», «Сибирская жизнь», «Русский вестник», «Каспий», мусульманские и русские журналы: «Сырат әл-мәстәкыйм», «Әл-мәнар», «Рәсемле китап», «Шура», «Икътисад», «Дин вә мәғыйшәт», «Ялт-йолт», «Молла Насреддин», «Новая иллюстрация», «Сибирский вопрос». Значительно в меньшем объеме были представлены книги, которые в основном были подарены библиотеке читателями [20, с. 1]. Через два года библиотека была практически полностью укомплектована не только татарской, но и частично турецкой классикой [21, с. 1].

Известной личностью был ахун города Петропавловска Г.Г.Яушев. Потомок арских князей Яушевых с 1852 года, он являлся имамом-хатибом подгорной мечети №2 г. Петропавловска, а в 1858 г. был утвержден старшим ахуном Тобольской губернии [22, с. 58]. Этот человек не только построил каменную мечеть в г. Петропавловске, но и сыграл важнейшую роль в строительстве мечети на Ирбитской ярмарке [23, с. 74]. В 1860-е годы петропавловские купцы выдвигают Г. Яушева на должность оренбургского муфтия, но он им так и не стал и до преклонных лет являлся ахуном г. Петропавловска, сменив на этом посту Искандера Максютова [5, с. 9]. В 1870-е годы имам единолично противостоял попыткам внедрить препо-

давание русского языка в татарских школах. В 1904 г. Г.Яушев становится непосредственным инициатором первого прошения мусульман в адрес Премьер-министра Российской империи С.Ю.Витте о даровании им политических и гражданских прав.

Татарский писатель Батгал Габделбари, уже будучи в эмиграции, посвящает деятельности ахуна города г. Петропавловска книгу [24, с. 312]

Воздействие мусульманской инфраструктуры, созданной татарами, на население казахской степи со временем стало вызывать огромную озабоченность у российского правительства. Еще в 1868 году для противодействия бурному развитию ислама была осуществлена административная реформа, согласно которой в Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областях вводились губернские институты управления, а казахи выводились из административного-религиозного попечения Оренбургского магометанского духовного собрания. В каждой волости допускалось создание не более одной новой мечети со штатом, состоящим из одного муллы [25, с. 4].

Рост конфессионального сознания достиг своего апогея в 1917 году, когда лидеры мусульманской общины города поставили перед правительством вопрос о культурной мусульманской национальной автономии [26, с. 23–24]. Границы данной автономии проходили значительно шире принятых этнических делений и основывались на религиозности, что, по замыслу создателей, должно было объединить мусульманские народы Российской империи. Но этим мечтам не суждено было сбыться, так как уже был разгар гражданской войны.

В это время г. Петропавловске находит свое временное прибежище седьмой общероссийский муфтий Галимджан хазрат Баруди и многие представители татарской интеллигенции, оказавшиеся на стороне «белых». До самого прихода в город «красных» муфтий ведет проповеди, занимается организацией религиозной жизни у казахов, производит официальную регистрацию приходов, духовенства.

С приходом к власти большевиков все медресе были закрыты. В 20-е гг. XX в. была попытка организовать при мечетях религиозные курсы, вначале двух-, а потом и четырехгодичные. Программа курсов предполагала обучение юношей, достигших 18 лет, мусульманскому праву, толкованию Корана, арабскому языку. В 1925 г. курсы были закрыты, организатор курсов, мулла

мечети № 2 Х.В. Бикбаев, привлечен к уголовной ответственности [27, с. 5].

В 1920-е годы обязательным условием функционирования мечети становится наличие при ней официально зарегистрированного религиозного общества. По состоянию на январь 1921 года в г. Петропавловске насчитывается 9 таких объединений численностью 1650 человек. Наиболее крупным религиозным обществом являлось общество при Чалаказанской мечети №3. К началу 1930-х годов в общество при мечети №3 входило 584 человека, оно имело свой устав, договор и постановление административного отдела, разрешающего религиозную деятельность. Каждый год в мечети проходило собрание верующих, которые избирали из своих рядов Совет правления и председателя сроком на один год. Но создание подобных обществ лишь отсрочило закрытие мусульманских культовых зданий. С конца 1920 годов начинается изъятие мечетей у религиозных общин со следующей формулировкой: « *Ввиду отсутствия общины и исполнительного органа, невыполнения ремонтных работ, неуплаты налогов и сборов – мечеть закрыть*» [28, с. 9]. Многочисленные жалобы верующих уже не могли остановить этот процесс.

К 1938 г. в Петропавловске были закрыты все мечети, а духовные лидеры подвергнуты репрессиям. Имамы Чалаказанской и Ташкентской мечетей, Мухаметжан Бегишев и Мухаметхафиз Абдрашитов, а также муллы Мухамед Абдулзалилов, Хафиз Бегишев, Хасан Халитов были расстреляны в 1930-е годы. Здания мечетей приспособили под хозяйственные нужды, а некоторые вовсе уничтожили.

Однако и в это время татары продолжали выполнять традиционные мусульманские обряды. Для выполнения таких религиозных обрядов, как никах, суннат, исем кушу приглашались так называемые бродячие муллы.

С начала 1990-х годов начинается постепенное восстановление ранее построенных мечетей и возвращение их религиозным общинам.

В настоящее время сохранилось лишь четыре здания старинных мусульманских мечетей. Одна из них (Янгуразовская мечеть № 6) была передана мусульманам в начале 90-х гг. XX в. При ее реконструкции в 1995 году не стали воссоздавать прежний иглообразный минарет, а заменили его на типично казахский. Мечеть №5 Дин-Мухаммад была полностью восстановлена на средства татаро-башкирской общины города, и распахнула свои двери прихожанам в 1998 г. Помимо богослужения, в ней проходят занятия по чтению намаза и сур из Корана, изучение татарского языка. После мно-

гочисленных попыток Казахского муфтията присоединить мечеть к себе в качестве филиала и ввести в ней проповеди на казахском языке, татаро-башкирской общине удалось отстоять независимость мечети, и 23 августа 2011 года был подписан договор о взаимном сотрудничестве между Духовным управлением мусульман Казахстана и Татаро-башкирской общинной мечетью Дин-Мухаммад.

Сейчас мечети №2 и №4 (Яушевская и Ташкентская) находятся в аварийном состоянии. Единственная татарская мечеть, у которой частично сохранился подлинный минарет (мечеть №4), до сих пор продолжает использоваться как подсобное помещение на территории завода им. Кирова, а здание «Яушевской» каменной мечети с обвалившейся кровлей – как частная сауна. Указанные строения не вошли в число памятников, представляющих культурную и историческую ценность, и таким образом оказались обречены на гибель.

В настоящее время важнейшую этноконсолидирующую роль ислама в укреплении татарского национального самосознания отмечают многие исследователи. Они высказывают как категоричные оценки: «Ислам – это фундамент татарского народа» [29, с. 110], так и более сдержанные: «Нерелигиозность у татар может выступать как фактор, в определенной степени противодействующий этнической мобилизации» [30, с. 219]. Главную причину такого влияния большинство исследователей видят в исторических предпосылках, а именно в насильственной христианизации: «В условиях христианизации идея единства татар как мусульман приобрела особую роль... именно в этот период понятие этнической и религиозной принадлежности стали восприниматься татарами как синонимы» [31, с. 122], – отмечает Р.М.Мухаметшин. Подобную точку зрения разделяют и этнограф Р.Н.Мусина: «За религию татары держались на протяжении многих лет как за мощную интеграционную силу, противодействующую гонениям, притеснениям, попыткам христианизации» [32, с. 231], и историк И.П.Ермолаев: «Жесткие меры, принимаемые правительством Русского централизованного государства по отношению к покоренным народам, особенно татарам, послужили тому, что «основным этноинтегрирующим фактором» у последних в это время стал ислам, превратившийся в этноконфессиональную религию» [33, с. 7]. Тем не менее, нельзя не согласиться с М.Н.Губогло в том, что взаимоотношения национального и религиозного в истории народов продолжают оставаться изученными крайне слабо [34, с. 575]. Незамечен-

ной, на наш взгляд, остается и специфика ислама, которая позволяет религии играть столь существенную роль в национальном сознании исповедующих его народов. Ряд исследований показывает, что у мусульман более выражена религиозная идентификация [35, с. 104], более значима в шкале этноконсолидирующих факторов конфессиональная принадлежность [36, с. 21]. Не случайно, по нашему мнению, и то, что идеология многих национальных движений активно пытается использовать ислам для достижения эффекта этнической мобилизации.

Согласно нашему этносоциологическому исследованию, ислам и сейчас продолжает играть значимую роль в жизни татарского населения региона. По данным нашего опроса, приверженность этой религии декларируют 75% опрошенных нами татар, около 10% из них заявили о том, что посещают мечеть чаще одного раза в месяц.

В шкале этноконсолидирующих признаков среди татар Северо-Казахстанской области ислам занимает твердое четвертое место после языка, происхождения и культуры.

Тесное взаимодействие этнической и религиозной идентичности происходит в социальной структуре респондентов. Согласно тесту Куна Макпартленда, призванному выявить актуальность разных социальных компонентов в самоидентификации опрошенных нами респондентов, более 55% татар Северо-Казахстанской области, отвечая на вопрос «Кто я?», обозначили свою этническую идентичность, 28% – указали, в том числе, свою религиозную принадлежность. Значительно чаще упоминали свою этническую идентичность респонденты, регулярно посещающие мечеть (86% татар). Четко прослеживается взаимосвязь между религиозной принадлежностью и желанием человека ощущать себя частью своего этнического сообщества (корреляция $r = 0,31$ – «умеренная» по Шкале Чеддока, коэффициент корреляции статистически значим). Так, этноаффилиативные показатели у татар-мусульман более чем на 15% превышают среднестатистические показатели по группе. Таким образом, ислам выступает важным фактором этнической мобилизации татар Северо-Казахстанской области.

Из интервью с имамом татарской мечети г. Петропавловска «Динмухаммад» Р.Х. Рязановым:

«Я считаю ислам здесь важнейшим оплотом татарского самосознания. На фоне того, как исчезает язык и культура, вера становится клю-

чевым фактором самоидентичности. Если молодежь будет ходить в мечеть, она никогда не забудет своей национальной принадлежности...».

Фундаментальное воздействие ислама прослеживается в духовной и материальной культуре татар. Национальные обряды татарского населения Северо-Казахстанской области неразделимо связаны с традиционно религиозными ритуалами, а именно: с «исем кушу» – при рождении ребенка, с «никахом» – при заключении брака, с полным комплексом исламской обрядности – при погребении. Большинство материальных предметов национальной культуры связано именно с мусульманской обрядностью и имеются у более чем половины татар.

Усматривается роль исламского фактора и в поле межэтнического взаимодействия. Татары-мусульмане в большей степени ориентированы на контакты с казахским населением, нежели татары-атеисты, и при этом более дистанцированы от русских.

Итак, ислам оказал важное влияние на становление и развитие татарской диаспоры Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. На современном этапе ислам консолидирует татар региона, актуализирует их этническую идентичность, противодействуя нивелированию этнокультурных границ и развернувшимся процессам ассимиляции татар с русским населением области.

Литература

1. Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX веков) // Ислам, общество и культура: матер. Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» / Отв. ред. Н.А.Томилов. – Омск: [б. и.], 1994. – С. 5-8.
2. ГАОО (Государственный архив Омской области) ф.3. оп. 1. д. 2.
3. Пресняков С. Татары: кто они? /С. Пресняков // Татары на Севере Казахстана. – Петропавловск, 2004. – С. 20 - 29.
4. Туманкин К.М. Основание и развитие Петропавловска и его уезда во второй половине XVIII- XIX вв. / К.М. Туманкин //УЗКГПИ – Т. VI – Кустанай, 1960 – 98 с.
5. ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан) ф. и –295, оп. 2. д. 8, л. 248.

6. Тынчаров Р. Мечети Петропавловска / Р. Тынчаров // Татары на Севере Казахстана. – Петропавловск, 2004. – С. 34-45.
7. ЦГА РК (Центральный государственный исторический архив Республики Казахстан) ф.64 оп.1 д.938.
8. ЦГА РК ф.25 оп.1 д. 2006.
9. Загидуллин И.К. Из социокультурной жизни татар г. Петропавловска (вторая половина XVIII – начало XX вв.)/ И.К.Загидуллин //Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – Казань, 2011 – С. 65-88.
10. СКГА (Северо-Казахстанский государственный архив) ф.55. оп.1. д.1.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив) ф. 821. оп 8. д. 937.
12. Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX–начале XX века/ Д.Д.Азаматов. – Уфа, 2000. – 188 с.
13. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVII – начало XX вв./ И.К.Загидуллин. – Казань, 2003. – 182 с.
14. Петропавл // Вақыт – 1910. – 4 ноября. – №689.
15. Памятная книжка. Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск, 1914. – 180 с.
16. Адресный календарь и географическо-статистические сведения. – Омск, 1887. – 65 с.
17. Муканов К. Мечети Петропавловска /К. Муканов // Мой город. – 2004. – № 3.
18. Памятная книжка Акмолинской области. – Омск, 1909. – 193 с.
19. Белиловский Ц.А Медико-статистический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчет за 1886 год/Ц.А.Белиловский. Томск, 1887. – 85 с.
20. Петропавл кыйраэтханасе // Йолдыз. – 1911. – 27 февраля.
21. Петропавлда кыйраэтханә // Кояш. – 1913. – №20. – 9 января.
22. Загидуллин И.К. Татарские национальные элиты и проблемы выбора нового оренбургского муфтия в 1960-е годы / И.К. Загидуллин // Научный Татарстан. – 2009. – №1. – С.49 -60.
23. Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало

XX века)/ И.К.Загидуллин // Источники существования исламских институтов в Российской империи. – С. 65-79.

24. Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т.1. – 671 с.

25. Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: журналы. – Казань, 2011. – 315 с/

26. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 23-24.

27. СКГА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 143.

28. СКГА. Ф.8. Оп. 1. Д.157.

29. Уразманова Р.К. Этнография «мусульманского» в бытовой культуре современных татар / Р.К.Уразманова //Материалы VII Конгресса этнографов и антропологов России. – Саранск, 2007. – С. 110.

30. Коростылев А.Д. Религиозность в контексте межэтнических отношений / А.Д.Коростылев // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1998. – С. 215-245.

31. Мухаметшин Р.М. Исламский фактор в общественном сознании татар / Р.М. Мухаметшин // Татарстан. – Казань, 1994. – №3-4. – С. 120-136.

32. Мусина Р.Н. Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан/ Р.Н. Мусина // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1998. – С. 210-243.

33. Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565-68 годов / И.П.Ермолаев. – Казань, 1992. – 158 с.

34. Губогло М.И. Языки этнической мобилизации // М.И.Губогло. – М., 1998. – 675 с.

35. Телебаев Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социс. – Алматы, 2003. – №3. – С. 102-108.

36. Титова Т.А. Армяне г. Казани//Диаспоры. – 2004. – №3. – С. 15-30.